

Надежда Жульдикова

Время, Люди, Ведическое Целительство

0+

Надежда Жульдикова
**Время, Люди, Ведическое
Целительство**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Жульдикова Н. Я.

Время, Люди, Ведическое Целительство / Н. Я. Жульдикова —
«ЛитРес: Самиздат», 2021

Я, конечно же, прошу прощение, что книга моя вышла без исправления редактора. Книга эта - крик моей души, сопереживание больным людям. Писала я ее очень мучительно. Здесь рассказы, стихи, рецепты. И они излучают целительную энергию. И если заменить хоть одно слово, то теряется смысл написанного. Я, конечно же, искренне хочу вам всем здоровья. Здесь есть рецепты мои, есть услышанные, а есть из газеты ЗОЖ, но из прочитанных я написала только те, которые помогут вам. Есть заговоры – они все мои. Есть рассказы – это тоже я писала для чего-то. Так как моя мама полька, то есть небольшое количество стихотворных рассказов о польских солдатах, которые умерли в Шокпаке - это разъезд и там захоронено несколько солдат. Там был лазарет, и в невыносимой грязи, жестоких условиях не выжил ни один солдат.

© Жульдикова Н. Я., 2021

© ЛитРес: Самиздат, 2021

Надежда Жульдикова

Время, Люди, Ведическое Целительство

АВТОБИОГРАФИЧЕСКИЙ КРИК

Со слов моей матери – бабушка моя родом из Польши. А я этого как бы точно не знаю. Да и за давностью лет, и за уже прожитую жизнь, увидеть себя в детстве, полном жестокости, унижения, бессилия, никчемности своего существования. Да и родилась я даже не знаю когда. По словам матери, где-то в дороге и в страшный мороз. Ехали они на санях и меня, родившуюся в дороге, закутали в овчинный полушубок. Когда приехали, а меня нет. Вернулись, нашли меня. А какое бы было счастье, если бы сожрал меня волк, но видать не судьба, умереть не мучаясь.

Все дело в том, что когда муж моей матери (Царство ей Небесное) был на фронте, она, мать моя, родила меня от своего кума – татарина. И начались мои мучения. Ненавидели меня все, вся моя родня со страшной силой. Росла как придорожная трава. Сколько помню себя, я всегда оборванная, голодная.

Вот только муж сестры моей матери, дядя Коля, только он один и любил меня. Был он утильщиком, и когда уезжал собирать утиль-сырье, всегда брал меня с собой. А я от радости, переполнявшей мое сердце, сердце ребенка, все это барахло надевала на себя, и радости моей не было границ.

Прошла и суровую школу детского дома им.Серафимовича, что находился в с.Михайловке (Сарыкемере). За то время, что прожила в детском доме, ни мать моя, ни брат Виктор ни разу не приехали ко мне.

Какой такой был секрет у моей матери ненавидеть меня до самой смерти?? (жила и умерла она у меня). Разбитая судьба, а может быть родственники осуждающе отнеслись к матери, узнав, каким образом родилась я.

В детском доме к детям приезжали матери, на которых и смотреть было страшно, но надо было видеть глаза детей, радость их при встрече с матерью. И они собирали конфеты, печенье, хлеб, чтобы угостить, накормить своих матерей. Мне же ждать было некого, никому я не была нужна.

От отца татарина (если можно так его назвать) мне достался только характер, который не дал сломаться одной-единственной в этом мире.

Сама не знаю, почему у меня такая неприязнь к татарской нации. От одной речи, услышанной, мне становится невыносимо больно.

Я, может быть, неправильно выразилась в том плане, что у меня неприязнь к татарской нации. Может это связано именно с моим рождением, и вот эта ненависть ко мне, к тому, что во мне есть что-то татарское, сделало мое детство и жизнь мою невыносимой. И оставила она на всю жизнь меня отверженной.

Я не одна в своей жизни. У меня есть дети и внуки. Но вся моя жизнь – это ущербность моего рождения, и оно не дает покоя моей душе.

Прожив на свете 60 лет, не испытал за все это время родственных отношений, я остаюсь все время одна. Как будто род моего рождения преследует меня всю жизнь.

Моя бабушка Марыля обладала даром исцеления. В 21 год я тоже начала видеть и невидимых людей, необъяснимые явления. Может, это было как награда за мученическую жизнь, и то, что Казахстанская земля приютила, вырастила меня, помогла выстоять, не сломиться и не скатиться вниз. Одной-единственной в этом мире Я ОБЯЗАНА ВСЕМ КАЗАХСТАНСКОЙ ЗЕМЛЕ.

Всю свою жизнь, я, не испытавшая ни милосердия, ни любви, волею судьбы живу, благодаря тому, что Бог дал мне как дар. Чтобы приходящие ко мне люди через любовь и милосердие получали не только здоровье, но и исцеление души.

С каждым днем я все больше убеждаюсь, что судьба бабушки и деда тесно связана с моей. Находясь среди людей, сочувствуя им и понимая их, я остаюсь как бы гостем в той стране, в которой родилась и живу. Каждому приходящему я отдаю частицу себя.

Может быть, такая жизнь и судьба у всех ссыльных, в каком бы поколении они не жили? И, если у меня течет кровь моих предков, может быть, они тоже страдали. Поэтому страдает моя душа, и нет мне покоя.

Я СОБИРАЛА БОЖЬЮ ТРАВКУ
КОГДА ЦВЕЛА ПРИРОДА
Я ТИХО ГОВОРИЛА ЕЙ
ЗДОРОВЬЕ ДАЙ НАРОДУ
НАЙТИ ВОЛШЕБНУЮ ТРАВУ
УЖЕ КОТОРЫЙ ГОД ПЫТАЮСЬ
ЗЕМЛЯ МНЕ ШЕПЧЕТ – ПОМОГУ
Я ЕЩЁ СИЛЫ НАБИРАЮСЬ
Я НА ЗАКАТЕ В ЭТОТ ВЕЧЕР
ВЗЯВ ВСЁ, ЧТО НАДО БЫЛО МНЕ
УШЛА КАК СТРАННИК Я НАВСТРЕЧУ
ВСЁ БЫЛО БУДТО БЫ ВО СНЕ
Я ПРИТАИЛАСЬ И ЖДАЛА
КОГДА ЛУНИЦА-ОЗОРНИЦА
В УПОР ПОСМОТРИТ НА МЕНЯ
И ВОТ ТОГДА ТРАВА ЗЕМНАЯ
ЛЕЧЕБНОЙ БУДЕТ КАК ИЗ РАЯ

Приду к источнику напиться.
В даль голубую посмотрю,
Как в небе солнышко искрится.
Я эту землю так люблю.
Люблю леса, люблю я горы
И вишен россыпь серебра.
Люблю великие просторы
И голубые якоря.
Водицей чистой насладиться,
Как золото, её храня.
Найти, где солнышко садится.
Дарить всем людям счастье, я -
И я кричу – весь шар земной,
Ты только двери мне открой.
Хочу лететь по белу свету
Непокорёною звездой!!!

ДЕТСТВО

Завьюжила метель, завьюжила.
Мне в сердце льдинка вдруг попала.

Завьюжила метель, закружила.
От холода я ледяная стала.
Я не пойму людей.
Ребячья нежность вдруг пропала
Мне вружечка сказала:
Ты не ленись, пойми людей
И вмиг, волшебная, пропала.
Мне девять лет, как дальше жить?
Как мне найти дорогу жизни?
Мне девять лет, а счастья нет.
Вот так иду, иду по жизни...
Может татарка, может полька я?
Мне оба языка по крови.
Как мне понять, и в чем моя вина,
И почему мне в жизни одни боли?...

НАЗИДАНИЕ ИЗ ГЛУБИН ВЕКОВ

Казахстан великая страна со своим устоями, со своей жизнью. Жалко только, что корни, обычаи, народные рецепты большей частью утеряны.

Хочу напомнить людям, близким мне по крови и обычаям: древние казахи по своей кочевой жизни знали много секретов, а самое главное – знали, когда можно начинать лечиться. Знали столько секретов, что теперешней медицине и не снилось.

Конечно, в советские времена всё это высмеивалось, а сохранные нашими предками народные рецепты порою изумляют.

Начало Шильде. Выходя на улицу, наши предки одевались в малахай и шубу, чтобы не перегреть тело, а обильный пот – это один из способов выведения шлаков из организма. Шлаки могут выйти без вмешательства медицины. Обильное чаепитие заставляло работать почки и выводить из организма яды и шлаки.

Радикулит тоже лечился во время Шильде. На голое тело надевались семь ниток пряжи от белой овцы. Шерсть не стирали, а нитки носили, пока они сами не потеряются. Человек без всяких лекарств излечивался от радикулита. После этого недели две или три носили из карагача палочку, заведя ее за спину и придерживая руками.

Карагач – если перевести это слово с любовью, – это золотое дерево.

Возле каждого кочевья росли сказочные деревья-великаны. Раньше, когда сажали карагач, то поливали его молоком овцы, чтобы придать корням крепость, чтобы не замерз и не засох он. Раньше нигде и никогда не видела засохших карагачей даже на брошенных отгонных участках.

Перед этим деревом можно и преклониться.

На закате солнца больного человека укутывали карагачевыми листьями и веточками, и закапывали в горячий песок. От мелких веточек и листочков к человеку проникали живительные соки, семена карагача и степной травы, по преданиям, не давали детям заболеть рахитом. Сейчас в наше время никто не заставляет одевать шубу и малахай (мы же теперь не кочевники), когда мы выходим на улицу, да и образ жизни не тот...

Сколько деревьев, цветов, зелени, построек, а мы задыхаемся от жары! Вот и живем мы вместе с нашими мыслями – горим в аду. Бедные от безысходности плачут, проклиная такую жизнь. А богатые не знают счета своим богатствам, и от этого состояния жадности и накопительства у них нет времени посмотреть по сторонам, увидеть прекрасный мир, увидеть бедность и, согласно шариаду, помочь бедным. Вот в этом мире зла, насилия, жадности, безыс-

ходности мы и живем. И, конечно, нам некогда бывает подумать о том, чтоб, отпуская детей на прогулку, одеть им белую косыночку или панамку, чтобы не дай Бог, не перегрело Солнышко детишек, чтобы не было проблем со здоровьем.

Так и живем, что посеем, то и пожнем. Посмотрите внимательно на рисунки казахских художников, как они рисуют степь, кочевья. Если женщины, то обязательно в белых одеждах, как белые лебеди в степи, а кемешек – это как корона на голове женщины... Обязательно самовар, обязательно дети.

ПОСВЯЩАЮ КАЗАХСТАНУ

Земля любимая моя,
Бескрайние поля и горы
Как я люблю эти просторы.
И ручейки, что землю умывают
Всегда целебные бывают.
Отметил Бог тебя, моя страна.
Здесь добротой и милосердием все дышит
Здесь не кричат, спаси меня,
Здесь каждый мог услышать.
Вот дастархан, вот чая пиала.
Лепешка хлеба золотом играет.
Тебя оставят жить три дня,
Здесь по-другому не бывает.
А люди так и светятся добром,
И как понять их быт и жизнь такую.
Среди степи стоит их дом,
Они по лучшей жизни не тоскуют.
Для них свобода и приволье,
И красота и доброта
Не могут жить они в неволе,
Здесь истина проста – народ Степи,
Народ любимый.
Как мне тебя благодарить за доброту,
За хлебны нивы,
За что, что я могла спокойно жить.
Благодарю я Родину вторую
И за приют и за лепешку ту,
Здесь люди добрые такие,
Я их улыбку вижу за версту.

ОДА НАЗАРБАЕВУ

Родился паренек в глуши. Смышленным с детства был. Мне мысль говорят – пиши. Пиши, о чем он сам забыл. Забыл, как рано поутру, лишь брызнет свет зари, а он уж на ногах, кричит: «Ты двери отвори! Встречай: рассвет, встречай зарю и песню птиц встречай. И думай о хорошем ты – люби родных, друзей не забывай».

Росла заря, росла любовь и милосердие рядом, и он спокоен был всегда, была невеста рада. Вокруг светилась доброта, терпение к народу. Знал парень с детства, что нельзя идти

не зная броду. Вокруг него есть доброта, и строгость тоже рядом. Он мог решение найти и не обидеть взглядом.

По лестнице служебной вверх достойно смог взойти. Но как остаться в вышине и не свернуть с пути? Не закружилась голова и выдержка большая – и вот судьба его свела, и он источник рая. Сумел добиться он всего – замены рядом нет. Желаю счастья ему и жизнь на много лет. Хочу, чтоб президент всегда услышан был, хочу, чтоб про народ не смел и не забыл. И мысли светлые его читаем с вдохновеньем. И верим, верим мы ему до самозабвенья.

У нас есть свет, у нас есть газ. Забыли, как страдали. Ну, а рассвет пришел для нас, так мы его же ждали. Мы знаем, Назарбаев наш для нас живет теперь! Мы знаем – каждому из нас, открыта будет дверь.

Будь ты татарин иль грузин, будь армянин иль грек. Найдешь здесь счастье свое, великий человек.

ЛЮБИМЫЙ КАЗАХСТАН

Умчалось вдруг детство. Куда – неизвестно.
Я стала как камень от горя тверда
Умчались вдруг годы, как сильные ветры.
От горя я пела, я пела всегда.
Сколько помню себя, я всегда голодна,
Я больна и в лохмотья одета.
А если бы не была я так бедна,
Я б спела всю горесть в балете.
Я б спела всю боль, что смогла пронести.
Я б спела все Арии Ада.
Я б спела, чтоб радость Отчизне нести.
А мне ничего и не надо.

Я вспоминаю детство роковое.
Хочу родимой матери простить.
Я вспоминаю детство, но какое?
Кто мог меня, как дочь, любить?
Быть может, дочь была тем людям.
А может, просто так, игрушкой была.
Завьюжила зима метель подруга
И мама меня мама родила.
Дорога была вьюжная степная
Завернутый в тулуп комочек замерзал в степи.
Замерзнуть мог – схватилась мама дорогая.
Да где ж ты дочка? Господи прости.
Уж скоро ночь, да где дитя родное?
Уж скоро ночь, лишь лунный свет вдали.
Уж скоро ночь, о наказание земное.
Оно предвестник неминуемой беды.
Как я могла родиться не в то время,
Как я могла родиться не в тот час,
Такое тяжкое то было бремя,

Но, видно, мой Христос меня он спас.
Он дал твердость духа, милосердье
Какое было детство! Господи прости...
Он дал мне веру и терпение
И назидание вперед идти.
Ненужная девчонка наперекор росла.
И вот уж потихоньку жизнь проходит.
Но я благодарю Небесного Отца.
Беда, хоть рядом, но она проходит.
И не дойдет до вашего крыльца.
И я даю благословенье вам,
Взяв каждого беду с собою.
Я так желаю счастья вам.
Я вас люблю, но остаюсь сама собою.

КАЗАХСТАНУ ПЕСНЬ-ПЛАЧЬ

Хочу забыть, звучит в ушах
Жоктау, песня за погибших
Хочу, чтоб каждый знал казах,
Что были мы совсем не лишние
Хочу вернуться в старину
Хочу услышать песнь акына
Хочу – как сделать, не пойму,
Чем эта песнь неповторима.
Она звучит во мне всегда,
Как быть, я не родня по крови.
Но больше вас зачем тогда
Во мне невысказанной боли?
Я не жила в тридцатый год,
Не видела ваших несчастий.
Так почему из года в год
Хочу спасти вас от ненастья?
Хочу положить руки там,
Где степь родная догорала.
Хочу, чтоб по моим рукам
Детишек свора пробегала.
Я каждый год в одно число
Иду далеко в горы.
Я каждый год в одно число,
Минуя тени и заборы,
Иду на встречу с прошлым я,
Еще несчастья не пропали.
Иду, старайтесь защитить меня.
Вернуться я смогу едва ли.
Там бричка догорает, в ней
Еще живой, но обожженный
Мальчонка со своей семьей.
Он только был рожденный.

Рожден и умер, почему, кто сможет мне ответить?
Аллах Великий, не пойму, зачем же гибнут дети?
Ты ни причем, всему виной народа алчность загубила.
Зачем тогда, о Боже мой, народу золотая жила?
Теряется рассудок. Ведь забыли мы законы шариата.
Забыли мы про совесть и забыли честь.
И ненавидим брата.
Земля горит,
Земля в огне, нет даже мелкой мошки,
Земля горит, а как же мне пронести ту маленькую крошку,
Чтоб накормить Землицу-Мать?
Забыли, нас она кормила?
Да где же капельку водицы взять?
Ведь нас она поила.
Я так хочу, чтоб Степь цвела
Народ родной не знал печаль.
Мне Казахстанская Земля мила.
Пускай печаль уходит вдаль.
Быть может, стану капелькою я,
Чтоб напоить землю родную.
Придет весна, но не вернусь к вам я.
Вас к красоте земной ревную.
Неправильно вы поняли меня.
Прочесть вам между строчек надо.
Прочесть и помолиться за меня.
Как я люблю вас – ваша Над-да.

АКЫР-ТАС

Тишина над Акыр-Тасом, тишина...
Словно с неба опустились два крыла, .
Словно могучая сила
Его от людей защитила.
Здесь приютился родничок
С водичкою целебной.
Скорей открой мне душу!
Хоть тяжело мне без тебя,
Я сон твой не нарушу.
Сколько годов, сколько веков
Стоит Акыр-Тас в тишине?
Разгадать его загадку
Не под силу мне.
Могучая твердь казахстанской земли -
Защита моя и опора.
Загадку земли, сокровенной земли -
Увидят все люди не скоро.
Родится Акын на Казахской земле,
Всё знать будет этот ребенок...
По-мудрому песни свои запоем -

Великий и мудрый потомок.

*Посвящаю Жульдикову Ивану Михайловичу,
Участнику Великой Отечественной войны, связисту*

«Я ЧУДОМ ОСТАЛСЯ ЖИВ»

От резкого, лаящего «халт» я очнулся. «Русише швайн», «Русише швайн», заполонило мое сознание.

Ужас охватил меня, а липкий пот как бы склеил тело. Даже посмотреть по сторонам не было возможности.

Перескакивая с одного события на другое, никак не пойму, неужели я в плену? Бой был хоть и жестокий, но победа была близка. Что же случилось со мной?

Провал в памяти делал меня бессильным. Где я? Где наши? С большим усилием поднял руки. Иду.

–

Как же так, – думаю,

–

я один,

фашист один. Тишина.

Как будто не было войны и это только страшный сон. Такое отчаяние меня взяло.

Да разве может советский солдат сдаться в плен?!

Изловчился я и схватил фашиста за шею. От неожиданности фашист растерялся. Этой доли секунды мне хватило, чтобы намертво сжать свои руки. Немец замер, а я все сжимал и сжимал его горло, пока не раздался такой сильный хруст, какой бывает при сходе льда весной, когда ломается лед. От напряжения я вновь потерял сознание..., а когда очнулся, фриц был мертв. Мои руки, державшие его, сильно болели и не хотели разжиматься.

Сижу и плачу.

– Иван, – слышу, – Иван, ты живой, что ли?

– Живой, – отвечаю, пересиливая нервную дрожь.

И тут я начал вспоминать, что происходило.

Я шел восстанавливать связь. Это было для меня знакомым делом. А вот как подкрался ко мне фашист – не пойму...

Командир, ожидая меня, разволновался и послал подмогу.

Мы взяли у фашиста документы, наладили связь и счастливые добрались до своих.

Вот смеху-то было и радости!

– Как же так? – смеялись ребята, – фриц в два раза больше тебя, а ты его уколошил.

– Ну, – говорит командир, – тебя, Иван, и пуля не берет, и сила у тебя есть – будешь жить.

Не знаю, кто как, а я ни на минуту не забывал о своей семье, своих сыновьях. Старшему Владимиру было 4 года, а младший Анатолий только родился. Нелегко было моей жене Аннушке. Кстати, я ее в кулачном бою выиграл, завоевал красавицу мою.

Всю войну я вспоминал, как мама, провожая меня на войну, благословила, встав на колени. Помолилась на все четыре стороны света и надела на меня нательный крест, прося Отца Небесного, Иисуса Христа, Деву Марию и всех Святых защитить меня от «супостатов». Наверное, потому я прошел войну и остался жив.

Ее молитвы и благословение сохранили меня.

В августе 1946 года, уже после Великой Победы, я вернулся домой, но мамы в живых уже не застал.

ПАРНЯМ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

Маки луговые в предрассветной мгле...
Парни молодые, что лежат в земле,
Защитить Отчизну Русь, родную мать
Им еще при жизни нужно орден дать.
Были молодые, прозвучал набат:
Парни молодые шли за рядом ряд.
Так шагали смело за своих отцов,
Что душа немела у фашистских псов.
Парни не дожили до счастливых лет
И на их могилах белых роз букет!

Май 49-го

Когда закончилась война,
Я так боялась видеть маки.
Но в чем казалось их вина,
И кто же в этом виноватый?
Где мак взошел, не просто так -
Там чья-то душенька проснулась.
И кто же, кто же виноват,
Домой любимы не вернулись.
Весна подняла всех бойцов.
Всех не вернувшихся отцов.
Одела в красный их наряд
И всех призвала на парад.
Ты видишь, сколько здесь бойцов,
Ты видишь, сколько здесь наград,
Ты видишь, сколько здесь отцов,
И каждый встрече был бы рад.
Ты Расскажи любимой маме,
Народу русскому скажи.
Как мы сражались на кургане,
И вновь, и вновь перескажи.
И каждый год и каждое лето,
Наперекор судьбе своей.
Мы украшаем на лето,
И ждем, и ждем от вас вестей.

БАЛЛАДА

Посвящаю Жульдикову Ивану Михайловичу Участнику Великой Отечественной войны, связисту.

Михаил- отец, провожая в путь,
Говорил сынку: «Сильным, смелым будь!».
Наш Иван – в «красе» Победить, подмять
За родной народ Тварь – безликую.

По степной росе Чужа смерти свист,
Двигается вперед. Шел под пули он,
Защитить страну Дорогой связист,
Защитить сынка. До земли поклон.
Говорит ему Не дожил связист
Командир полка: До счастливых лет,
«Без связиста, брат, Принесу ему
На войне не жизнь. Белых роз букет.
Видишь немец-гад... На цветах роса,
Ты, браток, держись. Будто слёзы льёт,
Пусть и снег, и грязь, Плачут небеса,
Пусть и свет не мил, И скорбит народ.
Дай пехоте связь За погибших всех,
Из последних сил». Роковых потерь..
Наш Иван идет Сорок пятый год,
Всем врагам на зло. Как нам жить теперь?.
Говорит комбат: Но растут хлеба,
«Как, нам повезло, Колосится рожь -
Что Иван такой, Ты, связист, всегда
Сквозь огонь и дым.. В памяти живёшь.
Что почти герой, Не допустим мы
Родиной храним!». Повторенья бед,
За Россию шел Не хотим зимы
За великую. Горя, страшных лет.

*Памяти отца Лапухина Якова Ефимовича
погибшего без вести.*

Гвардейская рота.

Было мне два годика тогда,
Как узнала что идет война.
Дом наш стал как решето.
Да не плачу я и говорю не то.
Наш отец, хоть и была броня,
Но советский человек.
Гордость храня, шел на фронт,
Чтоб защитить своих детей.
Защитить и стариков и матерей.
По ранению прийдя в свой дом,
Голова от горя пошла кругом.
Ни подушки, даже одеяла,
Спали на лохмотьях, на полу.
Наш отец был очень сильно ранен,
Маме он сказал, что «я умру.
Я умру, хоть отпуск мой окончен.
Снова в часть и снова страшный бой.
Ну, а ты душа моя, хоть страшно,
Береги детишек, заслони собой».
Так и жили мы, беднее бедных.

Так жила и память об отце.
Но наказ, что дал когда-то маме,
Я храню. И в память об отце
Так же бедна я, навряд обижу друга
Так же дети мои – это я.
Сберегла сыночка от смертельной выюги,
Выполнив наказ отца.

ПОСВЯЩАЕТСЯ ПОЛЬСКИМ ВОИНАМ И ВЕЛИКОМУ МИЛОСЕРДНОМУ НАРОДУ КАЗАХСТАНА

Стефан Стажинский не спал дни и ночи.
Стефан Стажинский, откройте очи!
Горят костелы, старинные дворцы.
Закрыты школы. Сломаны мосты.
Моя Варшава – две недели боя.
Моя Варшава, мы все в неволе!

Польска стонет и плачет,
И горит вся в огне.
Трудный путь ее начат.
Как им жить на Земле?
Разделили на части
Польскую – Родину-Мать,
Стали мы не у власти,
Где терпенье нам взять?
Был и Гитлер, и Сталин.
Был и голод и мор..,
Но сильнее мы стали
Не забыть наш простор.
Покуй может забыли? (мир)
Но родимую мать
Ещё больше любили.
Где силёнки нам взять?
Половину Отчизны
Гитлер подлый забрал
Половину Отчизны
Сталин, затоптал
Стонут люди в неволе
На чужой стороне
Им бы жить на приволье
Да в родной стороне
Где родились и жили
Где любили росли
Как мы счастливы были
Как мы ждали весны
Но враги недремали
План коварный готов
Растоптали замяли

Землю наших отцов
Пленных вечно голодных
Мой народ защитил
И голодных, холодных
В тюрьмах их навестил
Хлеб последний давали
Обогрели, спасли
Свою боль не скрывали
как всем жить до весны
Не привыкли поляки
К мирной жизни такой
После страшной той драки
Здесь надежда покой
И последний глоток
Разделить могут здесь
И последний кусок
Говорили что есть
Что зажгутся в ночи
Будто сотни свечей.
Загорелись – кричи!
Я вернусь к тебе мать,
Только ты подожди.
Где силенки мне взять?
Здесь так часты дожди!
Здесь тепло я узнал,
Я не русский солдат.
Хоть друзей и терял-
Казахстану был рад.
Как склонилась вдруг мать
В изголовье моем...
Где силенки ей взять? -
Все грустила о нем.
Сын ушел на войну,
Не вернулся домой.
До сих пор не пойму,
Что случилось со мной?
Как жалела меня
Казахстанская мать?
Как у смерти взяла,
Счастье жизнь смогла дать!
Может быть непогода
Так важна для меня?
У степного народа
Здесь так дышит земля!
Так и мы все больные
Здесь нашли свой приют...
Ну а мамы чужие
Так красиво поют!
И на миг забываешь

Что больной и чужой.
Дружбу жизни узнаешь,
Когда веришь душой.

ЛАЗАРЕТ

Вокруг лазарета вонь и грязь. Может, мне описать сейчас ужас тех изможденных людей? Ты вина, милый друг, мне налей. Не могу я вспомнить их быт, если вспомню, то сердце болит. Как терпели солдаты войны! Может, это видали не мы. Ай, приснилось вдруг всё, – и так сердце болит? Но на этой земле здесь поставлен гранит.

Переключка идет незнакомых имен. Переключка? – а может быть, гром. Гром гремит по земле! Отвечает что есть!

Есть солдат, не запятнана честь!

Не запятнана честь, так и строем стоят. Не забыть мне измученных, милых ребят. В мыслях дома они и, быть может, уж спят. Мать с отцом охраняют измученных, милых солдат. Не будите бойцов, не кричите вслед им, пусть останется каждый боец молодым!

РЕПРЕССИИ

Расцвели тюльпаны в предрассветной мгле.
Ехали поляки по чужой земле.
По чужой равнине, по чужим полям,
По просторам синим и цветным степям.
И товарный поезд вдруг оставил их
Во широком поле, возле юрт чужих.
Люди не понятны, не понятен быт,
Лишь верблюд угрюмый возле юрты спит.
Как не испугаться бедности людей,
И куда податься от судьбы своей.
Но степные люди, лишник слов не знали,
Приютили, накормили и наказ сказали:
Хоть и не богаты хлебом-солью мы,
Хоть вы и поляки, но мы все родны,
Милосердны люди, милосерден быт,
Здесь в краю чужом далеком каждый не забыт.

ПЛАЧЬ ПОЛЬСКОЙ МАТЕРИ

Прошло немало зим и лет, и вдруг – письмо от сына!
Казалось, жизни больше нет. И с той поры поныне
Жду стук в двери, жду стук в окно, смотрю давнишнее кино
И про войну, и про парад. И как встречали мы солдат.
Как ждала мать бойца домой, как слышала что – дверь открой...
Дверь открывала в пустоту, и ей казалось, что не ту,
Не ту отрыла дверь, и заблудился сын теперь.
И мать не спит и день и ночь. И кто же сможет ей помочь,
Как убережь бедняжку мать, что сына невозможно ждать
Что семь десятков лет прошло с тех пор.
И сына родного давно забрал простор, его частицы здесь и там,

И по полям и по лугам, в дожде и ветре и в земле.
Есть та частица и во мне. И никогда он не забыт,
И память тверда, как гранит. Ну а письмо, объехав всю страну.
Вернулось радостью тому, кто сына ждал, кто верил,
Что придет минута счастья, и мать спасет сына от несчастья.
Прошла войну дорогою бойца.
Не видя семь десятков лет любимого лица.
Прочесть письмо ей не хватило сил.
И как беречь себя любимый сын просил. Погашен взор.
И жизни больше нет. На просьбу сына не пришел ответ.

Реквием

НАЧАЛО ВОЙНЫ, ЗАХВАТ ВАРШАВЫ

Молюсь я день, молюсь я ночь
Не за себя за край любимый
Молюсь... Кто может мне помочь
Спасти народ, несчастьями гонимый

Моя Польша в огне,
Как же тягостно мне.
Как помочь в трудный час,
И как больно сейчас.
Гибнет милый народ,
Он не знал наперед,
Что фашистская рать
Сможет их побеждать.
Триста тысяч солдат
Победить так хотят,
Но не знают они,
Силы так не равны.
Защитить не могли,
Хоть костями легли.
Дети бывшей войны,
Свято помним вас мы.
Моя боль, мой народ,
За отчизну вперед.
Посылал сыновей,
Уничтожить зверей.

Остановился поезд – остановка. Куда теперь идти. Чужа земля, и нам вроде неловко. Но люди быстро, со сноровкой, нас накормили и одели. Хоть непонятные слова... Но нас жалели, нас жалели и говорили – Польша-брат... Ну, почему так получилось? Кто ж виноват?...

Вот лазарет, для нас такое унижение, Вот лазарет, и белый свет не мил. Вот лазарет – пыль, грязь и раздраженье. Как мог я вытерпеть всё это униженье. Как мог я вынести невыносимую боль.

Иль это, может, наважденье, иль это кем-то сыгранная роль?

Здесь грязь, чума, голодны вечно люди. Железный занавес для нас судьбой закрыт. Но каждый день казах худой на маленьком верблюде нам привезет лепешечку с водой.

Но не смогли мы выжить, не сумели. В такой грязи не суждено нам жить. Родная Польша тихо песни пела, чтоб нам не больно было уходить.

Не выжил ни один солдат, могилы их в Шокпаке. Но слышат песни Польши те бойцы, и кажется, что нет уже войны. Они все дома, наши сыновья. Я каждый год чту милых тех солдат, что не дошли до дому. Ну кто же, кто же виноват? Что не смогли сберечь мы тех солдат? И сердце разрывается от боли.

Аве Мария...

БАБУШКЕ МАРЫЛЕ

Родина родная, золоты луга,
Детство озорное, чисты берега.
Возле речки бурной, где миндаль цветет,
На цветном пригорке меня домик ждет
Хоть и не видала я его совсем,
Рассказать готова людям всем.
Не родилась в Польше, где моя родня,
Как же все случилось? В чем моя вина?
Бабушки и деда не видать теперь.
Как же получилось, что закрылась дверь?
Ни родного дома, ни родных полей,
Ни родных просторов, ни страны своей.
Высланы навечно на чужой простор.
Не понять, конечно, чужой разговор,
Но чужие люди сами голодны.
Разделяли крохи, но уберегли.
Как мы были дружны, знали только мы,
И как стали нужны для чужой страны.
Встретили казахи хлебом-солью нас.
Кто же их заставил выполнить приказ?
Или милосердьем тот народ богат,
Или им по крови каждый брат.
Не нашлось нам места на земле своей,
Не поет нам песни птица соловей.
Преклоню колени до сырой земли,
Родину вторую здесь мы обрели.
Нас спасли от голода и тяжелых ран,
Стал второй нам матерью милый Казахстан

СМЯТЕНИЕ ДУШИ

Быть может Родина моя,
Великий Казахстан.
Хоть и живу я здесь, сгорая,
А может, Польша?
Как по ней страдаю.

Здесь степи, милая земля,
Там жили предки и родня.
А может Польша и пшеничный стан
Напоминает милый Казахстан?
Душа, на части разделяясь,
Кто прав, кто виноват и в чем резон?
Меня так часто будит сон.
Открой глаза, найди свой путь родная,
Для нас ты не чужая.
И путь твой, как вечерний звон.
Услышат звон, придут воды напиться,
Пойми, как жажда мучила людей.
Ну, а тебе не надо бы гордиться
И надо знать Закон Степей.
Здесь каждому дадут приют и пищу,
Помочь сумеют в горе и беде.
И надо, Над-да, бы тебе гордиться
И благодарной быть судьбе,
Что родилась в благословенном крае.
Аллах Великий не забыл тебя.
Но, а мечтать о Польше, как о рае,
Так это, Над-да, – не твоя вина.

Стонут люди в неволе
На чужой стороне.
Им бы жить на приволье
Да в родной стороне.

Где родились и жили,
Где любили, росли.
Как счастливы мы были,
Как мы ждали весны.

Но враги не дремали.
План коварный готов.
Растоптали, замяли.
Землю наших отцов.

Пленных вечно голодных
Мой народ защитил.
И голодных, холодных,
В тюрьмах их навестил.

Хлеб последний давали,
Обогрели, спасли.
Свою боль не скрывали.
Так всем жить до весны.

Не привыкли поляки

К мирной жизни такой.
После страшной той драки
Здесь надежда, покой.

И последний глоток
Разделить смогут здесь.
И последний кусок
Говорим им, что есть.

*Посвящаю узникам санитарной части ст. Шокпак,
а также всем полякам, пережившим репрессии и живущим в Казахстане.
Преклоняюсь пред замученными сыновьями Польши*

РЕКВИЕМ

Чокпак-ата, ты приютил солдат, Дал им бата: пусть отдохнут, поспят!
Как тяжело им на чужбине. Ты понял их судьбу и их кручину. Хоть разговор чужой, но чьи-то они дети, теперь нельзя держать в секрете, как было трудно им, измученным до смерти и больным!

Родная мать, ждет весточку от сына. Не знает бедная о том, что стал Чокпак для сына – вечный дом. Чужие люди им помогали, как могли, последнюю краюху хлеба для них сердешных берегли. Но не смогли, как ни хотели, сберечь измученных солдат. Пускай сердешные теперь спокойно спят. Чокпак-ата им сохранит покой. Для них теперь – он дед родной.

И чтобы им здесь было не тоскливо, здесь каждый год цветут прекрасные нивы. И люди здесь, храня покой, оберегают островок беды чужой. Чужого горя и страдания, могилы Божьего создания. Но в ноябре вдруг слышна речь чужая, а для солдат она родная. За строем строй встают солдаты Польши, честь отдают и говорят так тихо....

Чтобы не повторилось лихо, чтоб не страдала мать, и сын при доме жил, чтобы невесты не надевали черного платка. Ну, а пока пора им на покой. Стал Казахстан для них страной родной.

Солдаты Казахстана честь отдают солдатам Польши, мы с каждым годом понимаем, что та беда для нас становится все горше.

Реквием

Чокпак-ата. Ты приютил солдат,
Дал им бата: Пусть отдохнут, поспят.
Поспят они от трудного пути.
Как им дорогу в дом найти.
Устала мать, и слез как будто нет.
Так долго ждать, когда придет ответ.
Что сын живой, что не хватило сил,
Прийти домой. Тяжело ранен был,
И лазарет, и грязь кругом и пыль.
Вокруг Чокпака лишь растет ковыль,
Куда ни бросит взгляд измученный солдат,
И вся беда их в том, как далеко их дом.
Судьба их привела в далекий Казахстан,
Где нет домов, лишь юрты да пшеничный стан.
От голода и грязи, потупив взор,

Ведут солдаты Польши разговор;
Как я бы птицей был, сказал один солдат.
Я б в небо смело взмыл, взлетел, как на парад.
И прилетев домой, обняв родную мать,
От горя, от беды, где ей силенки взять?
Солдаты Польши обречены на гибель,
Солдаты Польши здесь нашли погибель,
Не смог вернуться ни один солдат,
Так и шагают четким шагом за рядом ряд.
Давно забыли, что их дома ждут.
Вот только на могилы не придут.
Их матери и их отцы, и только птицы как гонцы
Их навещают день и ночь, хотят в беде им всем помочь.
И шлют привет издалека, но нам пока...
Нам не понять погибших тех солдат
Теперь они в земле сырой лежат.
И как же тяжело им на горькой на чужбине.
Тоскуют старики, виски засыпал иней.
Но молоды сынки, и как бы ни были от дома далеки,
Стареть им не дано. И время здесь не властно.
Хоть плачет мама, не согласна,
Что сын ушел из дома молодым.
В тот край, что стал навечно для него родным.
Я преклоню колени осторожно,
Не разбудив солдат, пускай сердечные поспят...

**ПОСВЯЩАЮ ВАЛЕРИАНУ ЧУМА,
МОЛОДОМУ ГЕНЕРАЛУ, ЗАЩИТНИКУ ВАРШАВЫ**

Как случилось, генерал?
Ты Варшаву защищал!
Защищал Отчизну-мать,
Думал Польшу отстоять.
Думал, что бойцы сильны.
Думал, что конец войны.
Триста тысяч молодцов
Смогут защитить от псов.
Но за две недели вдруг
Свет Варшавы вдруг потух.
Родина, как тяжело мне!
Вся в руинах и в огне.
Силы были неравны.
Лучше б не было войны.
Лучше б не было тех слез.
Не было бы тех берез,
Что хранят покой солдат.
Не убиты, просто спят.
Помню я, ребята, вас.
Свет Отчизны не погас.

Берегут покой березы.
Без конца текут их слезы.

БЕЛЫЕ РОСЫ

(посвящается белорусскому народу Хатынь)

Я возвращаюсь в Белоруссию. Как давно я там не была – целую вечность. От Минска до Хатыни 70 км иду пешком, чтобы занова увидеть, пережить тот страшный путь, что был предначертан народу Белоруссии. Белая Русь, Белые Росы, чистота росы – потому и люди назывались так нежно и ласково и не совсем понятно для других.

Иду тихо, размышляю сама с собой, и незаметно для меня идут воспоминания. И уже реальные люди, соседи говорят со мной. Я даже не успеваю понять, кто и о чем говорит. Образовался хаос, и стоило большого труда узнать того или другого человека-соседа.

Сколько времени прошло, подумала я, а они также, как и были, только грустные лица заставляли меня вздрагивать каждый раз, как только кто-нибудь из них заговаривал со мной.

Вот баба Марыля. Боже мой, как же она ходит? Вместо ног у нее обугленные головешки, и она еще и радуется, говорит, что так хорошо, что я вернулась и говорит, говорит...

– Помнишь нашу Танюшу, ну внучку мою, жили они за семь домов от вас, – говорит баба Марыля. – Таня наша так и ходит в поле каждый раз встречать Васыля. Когда идет, все время про это любимую песню напевает «Там Васылько сино косыв». А как любил слушать эту песню Васылько.

– Смотри, смотри, – говорит баба Марыля, – столько лет Микола так и ждет тебя, и ждет! Ужас обуял меня, когда на завалинке я увидела Миколу. Разве может такое быть? Уже столько лет прошло, и доказывают, что все погибли, а они здесь, на Хатыне, никуда не уходили, всё помнят, обо всем знают. Василь идет на голос, Танюши. Муж мой сидит на завалинке, все заняты делом, слышат друг друга, но не видят.

– Знаешь, – говорит баба Марыля, – я только одно знаю, что случилось с нами. Может быть, и расскажу тебе обо всем, да заново все пережить очень трудно.

Иду и спрашиваю бабу Марылю, как же так может быть, что покалеченные люди, соседи мои, а так продолжают жить?

– Не могут, – говорит баба Марыля, люди нашей Хатыни погибнуть, не могут, и всё. Остались они у себя дома.

Смотрю – и дома, огороды и даже печи топятся. Вдруг увидела я совсем другое лицо – вроде это и баба Марыля, и вроде не она это. Посмотри, показывает глазами, посмотри и напиши правду, как все думали, что фашисты стерли нас с лица земли, а мы-то ЖИВЫ!

Мы только очень сильно прижались к Земле-матушке, вот и остались Живы! Не зря же зовут нас Белые Росы. Разве может родная Земля бросить нас в беде? Каждое утро Мать-земля обмывает нас Белыми росами – значит, Живы мы. А как взойдет солнышко, петушок-то и будит нас, и мы от чистоты Белой росы, так и переливаемся. И каждый из нас, как маленькая радуга. Ты, говорит, баба Марыля только приглядишься хорошо, все мы покалечены, но живы и радуемся.

Господи Боже мой, очнулась я! Да, что же это такое? Никого не вижу вокруг себя, только маленькие росинки, так и сверкают, так и сверкают, как радуга. Упала я на колени: Господи! Кричало мое сердце. Господи! Да разве можно увидеть такое? Благодарю тебя, Господи, что ты вернул меня к жизни.

– Господи, – кричу, на все четыре стороны света, – жива Хатынь, жива! – кричу от радости и уже по-другому смотрю вокруг. Никого и ничего нет, кроме крестов и надгробных плит. Но, я-то знаю, что все живы, и я поняла, что я правильно сделала, что через столько лет вернулась в любимый край к любимым Белым Росам, где мне всё знакомо, где каждая травинка,

дерево, цветы, даже камни всё помнят. Помнят весь ужас произошедшего. С раскрытым сердцем принимаю часть ваших мук и уезжаю к себе в Казахстан. Но я еще приеду, чтобы узнать то, о чем не знает никто...

ПОМНИТЕ, ЛЮДИ. (ПОСВЯЩАЕТСЯ ЕВРЕЙСКОМУ НАРОДУ)

Поезд резко затормозил, страх сковал всё тело Рахели. Пока ехали, мучились, была хоть какая-то надежда, даже маленькая, что пока едем – живем. Хотя умирали каждый день. Так и ехали, живые и мертвые, зачастую невозможно было отличить, где кто сидит или лежит. Сил не было даже повернуться, только лихорадочно работал мозг. Шли воспоминания детства, юности.

Детство и слезы подступали к глазам, невозможно совместить радость жизни в детские годы.. И что сейчас?

Семья была истинно верующая. Мама до сих пор в памяти, мамино милое и доброе лицо. Как она помогает сейчас в трудную смертную минуту жизни. Папа, добрый, но как будто всегда чувствовал себя, в чем-то виноватым и от этого чрезмерно услужливый, но не навязчивостью своей, а воспитанностью и культурой поведения. В семье чтили Бога, и отношения между членами семьи были добрыми и радостными.

Как же хочется снова вернуться в детство, забыть этот кошмарный сон! Кажется, что это всё неправда. Вагон забит до отказа, а люди все едут, не имея возможности ни умыться, ни покушать, ни сходить в туалет. От резкого торможения люди перемешались, везде крик о помощи, но и вздох облегчения, что закончилось страшное путешествие. Радость и надежда засветились в глазах людей.

Рахеля кое-как смогла подняться и, не чувствуя ног, в общей суматохе сошла на землю. Наконец-то можно свободно дышать. Даже воздух, свежий воздух, заставил закружиться голову и столь мучительный кашель и голод отступили на какой-то миг. Очнулась Рахеля от резкого, лающего голоса. Всех пленных начали делить.

И снова детство, – как давно это было. Воспоминания нахлынули таким потоком, что невозможно было удержать ясную мысль. Всё перескакивало с одного события на другое. Господи, только, когда вспоминала себя входящей в синагогу, наступало облегчение; как будто я снова маленькая и счастливая. Вспоминался субботний день – каждая суббота была праздником. Этот день мы отдавали Богу, собирались долго, торжественно, тщательно. Шли, чувствуя на себя восхищенные взгляды.

«Рахель, – спрашивала мама, – ты не устала дочка?». А я от восхищения, что иду с родителями, готова была шагать и шагать.

У входа в синагогу нас встречал раввин. Он всегда находил для меня ласковые слова, словно чувствовал, какие испытания придется пережить мне. А вот я уже девушка, и так похожа на маму. Школьные годы так и кружатся, кружатся.

Учеба мне давалась легко. Мечты, мечты... А как заглядывались на меня парни! И опять синагога, и опять детство, и опять ласковые руки мамы. Раввин и его ласковые слова как бы давали теперь силу к терпению. И опять мама и ее голос «Рахеля, – дочка, ты уже невеста, и какая же ты красивая и умная. Как у тебя горит все в руках. Господь наш не оставил тебя без благословения, дал тебе всё – красоту, ум, милосердие, скромность. Рахеля, доченька, как же сложится твоя жизнь?». ...

И вот мы с мамой уходим в будущее. Мама рисует картины моей жизни. Мы обсуждаем, за кого мне выйти замуж, проходит разговор до того момента, когда мама, моя мама уже бабушка и такая же молодая, красивая и счастливая, а папа? Да папа от наших мечтаний и разговоров только потихоньку улыбается.

Я нечаянно разбила мамину чайную чашку. Какая красивая она была! Казалось, что цветочки живые, и стоит сильно зажмуриться, а потом резко открыть глаза, а цветочки будут расти уже в саду. Когда разбилась чашка и ничего волшебного не случилось, как я плакала, думая, что живые цветочки умерли.

Так что же теперь случилось со мной? Как быть? Всё во мне начало протестовать «Жить», – шептала я, – жить!». И опять толпа народа. Я поняла, что скоро и моя очередь раздеться.

Боже милостливый, как быть? Я ясно увидела, что прямо передо мной смешались чьи-то косы, тоненькие и седые, роскошные, черные, длинные косы. Я то теряла сознание, то опять приходила в себя. Только не это, только не это, мозг работал четко, и когда я поняла, что это мои косы режут и что они как бы все в крови.

Вместе с косами уходила жизнь. Я понимала, что я умираю. Это казалось уже точно. Я не смогла видно пережить этот момент и как бы провалилась в бездну, и не люди-призраки, а их косы все заполняли и заполняли это пространство.

И опять детство, и опять разбитая чашка. «О, Господи, – взмолилась я, – да разве можно принять такие мучения?».

Шум, гам заставили меня уже в который раз очнуться, и как искра надежды, – мы будем жить, нас повели мыться!

Такого прилива радости жить не было никогда. Стоим и ждем воду, радуемся, и опять что-то происходит с нами, становится трудно дышать, горит и першит в горле.

От безысходности люди ложатся на пол, здесь прохладно, и наступает облегчение, но нас столько много, что мы падаем друг на друга. Агония, тела в конвульсиях, от нехватки воздуха и обжигающей боли в груди кто-то уже умер, а кто-то цепляется за жизнь, надеясь выжить. И вот уже на тележки погружают мертвые и еще живые тела. А огромная печь работает без перерыва.

В последнее мгновение Рахеля ощутила что-то горячее и жгучее. «Это, наверное, мамыны руки», – успела подумать она...

Мы преклоняем головы перед зверски замученными узниками. Вечная память им, безвинно убиенным. Вечная слава им, достойно прошедшим весь зверский путь – уничтожение нации.

Пусть у каждого из нас появится и останется навсегда в памяти нашей частичка священного пепла сожженных людей. Помнить и помнить. И будет преступлением о них забыть.

В каждом цветочке, дереве, травинке, во всем, что окружает нас, осталась боль ушедших лет, и только один Господь, единственный, дает нам силу и надежду жить дальше. Жить и любить весь мир, всех людей. Я предаю проклятью даже память о тех фашистах, что жили когда-то на земле. Вечное проклятье им из года в год, из века в век.

ЗВУК НЕБЕСНОЙ ЛИРЫ

Отец погиб в бою, свободу защищая. Как жить всегда ущербной, всегда прощая? Простить за то, что нет отца родного, простить за то, что нет наряда дорогого? Простить за то, что нет родимого порога, простить, что жизнь – тяжелая дорога! И как одной не заблудиться в этом мире? И как не потерять мне звук небесной лиры?

Отчаянье приходит день и ночь. И кто же, кто сумеет мне помочь? Сказать слова так сердцу дорогие. И чтобы окружали люди не совсем чужие.

Я так устала жить одна, печаль заполнила мне душу. Одна, но не совсем одна и вечности покой я не нарушу. Нельзя сказать обиду вслух, нельзя смеяться без причины. Нельзя чтоб та беда-кручина мой заполняла слух.

Ждала и верила, отец с войны придет. Раскроет мне навстречу руки. Сказать сумеет: «Я спасу от муки, от тяжких бед, даю благословение на много лет». Но не пришел с войны, тропинка заросла травой. Как часто я не плачу – волком вою. И не могу найти ответ.

ДЕТДОМ ВНОВЬ ОЖИЛ В ПАМЯТИ МОЕЙ

Дом детства..., никуда не деться. Там жили мы одной большой семьей. Дом «милый» моего трагического детства. И жизнь пошла другою чередой. Мы научились жить по расписанию. Подъем, зарядка, школа и отбой. И наша жизнь без нашего желанья.

У нас суровый распорядок дня, часы распределены по расписанию. Но вспоминаю раз за разом я – и стынет кровь от тех воспоминаний.

И, слава Богу, не пропала я, не затерялась в крутой пучине!..

Мой «милый» детский дом, семья моя. Где жизнь меня терпению научила.

Мы научились старших уважать всегда, хоть правы они были, хоть не правы. Мы забывали свое «я» тогда когда Отчизна-Мать нам не давала права.

По истечении многих лет, когда страна была одной большой семьей, я понимаю – той дороги нет, как только двери своей комнаты открою, не понимаю я, как дети будут жить? В жестоком мире «равноправья и насилия»? Кто будет сей Отчизной дорожить? Когда у молодых подрезанные крылья.

Пока царит вокруг жестокость и обман, и старики от беспредела умирают. Ужель так трудно навести порядок, где счёт банкнотам зачастую забывают?

Терпенья много у страны родной. Привыкли мы терпеть. Какая жалость? Так и живем, как на передовой. Слыша наказ, что потерпите малость. Уже не много ждать осталось вам, когда сойдем мы с огненной дороги. Свою Великую Победу посвящаем Вам. Вы жить должны всегда в тревоге.

Чтобы Отчизна-Мать всегда была при нас. Чтоб старикам жилось немного легче. Чтоб, слыша милой Родины наказ, мы знали, что мы стали, как металл, крепче.

СЕРАФИМ САРОВСКИЙ

Здесь молился Богу

Божья благодать, коснулась вдруг его

Привыкайте к церкви, люди понемногу

Не гневите, люди, Бога моего.

С.Саровскому

За рекою на взгорье церквушка
Сколько минуло лет, сколько зим.
Но все так же сверкает макушка
Каждый верующий, Богом храним.
Тишина в той церквушке хмельная,
Будто люди другие совсем,
Будто всем стала жизнь дорогая
И не надо кидаться за всем.
И того, не хватает, и этого
В этой жизни наскучило жить.
Как понять мне тебя безответного
Бог один может двери открыть
Постучишь, и откроются двери

И такая вокруг благодать!
Даже звери, могучие звери
Будут смиренно в церквушке стоять.

ТАЙНА ИВАНА-КУПАЛЫ

Россия. Сколько написано книг, снято фильмов, жизненных трагедий, сказок, былин?..

Россия, всегда в моем понимании, – это древняя Русь. Это не потому, что она древняя, а потому что только в глубинке России по-настоящему знали секреты лечения. Знали секреты сказанному в сердцах слову.

Русь – и обязательно болота, и древняя бабка ведунья, которая не только травами, но и целебным словом могла убрать болезнь.

Для человека, выросшего на болоте, но в гармонии с природой, не составляло особого труда убрать, выгнать болезнь. Многовековые наблюдения давали ясный ответ, когда и как лечить.

Один раз в году, на праздник Ивана Купалы, люди, которые занимались лечением, очищались от согрешений прошлого года. Грехов-то можно много насобирать за прошедший год.

На закате Солнца молились Богу, прося прощения за грехи вольные и невольные. Надевали длинные холщовые рубахи и катились по траве с мольбой о том, чтобы Земля-Матушка забрала болезни, а взамен дала бы здоровье.

Дальше заходили в воду, обмывались со словами: «Вода-водичка, милая сестричка, очисти тело и душу». А уж перед тем как взойти Солнышку, разводили костер, прыгали через него со словами: «Огонь-огонечек, милый мой дружочек». И опять просьба об очищении души и тела.

На восходе Солнца лучи его должны коснуться огня, в котором должно быть отражение Луны. Это то время, когда четыре стихии соберутся вместе, и, как раскат грома, Петушок пропоет Гимн Солнцу.

В этот миг человек становится заново рожденным. Создается гармония между человеком и Великим Космосом. Вот тогда-то из глубины веков идут тому человеку настоящие знания. Петушок символизирует уход всего нечестивого, а с первыми лучами Солнца мы омываемся Божественной энергией.

А это значит, что Бог услышал нас.

ПОСВЯЩАЮ СЫНУ АЛЕКСАНДРУ

Со скорбью думаю я день и ночь. Как сыну моему помочь? Помочь в беде, сказать наперекор судьбе. «Изыди черная волна, за что закутываешь очи?».

Сил нет, и больно очень. Терпенье на исходе, всё это так бывает при плохой погоде. Когда без усталости метель ревет, когда открыть глаза и посмотреть вокруг нет силы, когда терпению пришел конец, я понимаю, сын мой милый, что это испытания венец.

И если даже нет мне сил, я думаю, что Бог его простил. Надеюсь только я на Бога, жду, сыну моему придет подмога. И защитит, найдет он славный путь. Вот только бы с дороги не свернуть. Вот только бы не оступиться сыну. Уже который год я подставляю спину.

Я пронесу тебя, сынок, в своей беде мой сын не одинок. Всю боль, что предназначена тебе судьбой, мой сын, возьму с собой.

ОБЕРЕГ – ЗАГОВОР

Посвящаю дочери Ирине

На Ире сарафан
Цвета зари
Защита мамина
Ты не порви
Порвешь, коль дочка
Ты свой наряд
Все беды встанут
За рядом ряд
Прижмешься к маме
Защиту ждя
И мама скажет
Тебя любя;
«Родная дочка
Я твой наряд

Руками шила
Сто дней подряд
Сто дней не спала
Тебя храня
Чтоб злая сила
Не укусила
Чтоб защитила, любовь моя
На Ире сарафан
Цвета зари
Защита мамина
Ты не порви...

ВЕСНА

Весна спустилась вдруг с небес.
Запели птицы громко.
Вновь оживает сказкой лес
И не скрипит поземка.

В долине робко тает снег,
Весна бежит по лужам.
То там, то здесь ребячий смех-
Конец морозным стужам.
Расцвел подснежник – как красив!
Скромней цветочка не найти.
На Тонкуруш на свой массив,
Как мне бедняжку донести?!

ДЕРЕВНЯ БУГАЧЕВО

Деревня Бугачево, любимые места.
К нам прилетели пчелы, наверно, неспроста.
Здесь воздух очень чистый, грибов полным–полно
И солнышко лучистое, всех бережет оно.
Зима вдруг подкрадется и ну, давай хлестать!
А Солнышко проснется: «Мороз, давай чихать!»
Скрипит, скрипит Морозко, спешит людей страшать
И белые березки без устали хлестать.
Ребята озорные, бегут в снежки играть.
И кони их стальные без устали скакать.
Морозко притаился, так хочет ущипнуть.
Но в снег вдруг провалился, нет моченьки, вздохнуть.
Нашли его ребята, достали старика
И с ним играют в прятки.
Ну ладно, всё, пока!...

ИВА ВЕКОВАЯ

Что-то загрустила,

Ива вековая.
Что не отпустила
Мать-земля сырая?
Так хотела Ива
Избежать печали.
Там, где хлебны нивы
Землю величали.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.